

От автора

Эта книга — о Великой Российской революции 1917—1922 гг. События такого масштаба подобны океану. В них есть и острова, и глубины, и могучие течения, и мелкая рябь. Революция — это освобождение и насилие, невероятные возможности для человека и ужас гражданской войны и террора, демократические попытки и бесчинства диктатур, драматическая борьба и финал, который разочаровывает почти всех.

Так уж устроена историческая память, что мы воспринимаем сложный исторический процесс сквозь призму отдельных ярких личностей и ключевых событий. Долгие годы Российская революция предстала перед нами через оптику Великого Октября и фигуры Ленина. Сегодня взгляд становится более широким, но для полноты картины все равно не хватает одной важнейшей детали. Мы знаем почти все о политических элитах и «контрэлитах», но очень мало о стихии. А ведь революция состоит из стихии в такой же степени, как человеческое тело — из воды.

Описать стихию так же «просто», как дать точную картину движения облака. Мириады частиц идут своими маршрутами. Но у стихии есть своя логика, свои центры притяжения. Чтобы понять ее, недостаточно смотреть на революцию «сверху», нужно заглянуть снизу. В этом нам могут помочь те, кто по самой своей идеологии был частью стихии, — анархисты. Так что это будет книга о Российской революции и о роли в ней анархизма. Героями этой книги являются миллионы людей, но она слишком коротка, чтобы всех назвать поименно. Поэтому чаще других будут звучать имена Ленина и Махно — символы двух полюсов Революции.

Глава I

ИСТОКИ

В июле—августе 1919 г. белая армия продвигалась на просторах России и Украины к Москве и Киеву. Красный фронт рушился, и восстановить его прочность не удавалось. Офицеры вглядывались в горизонт. Еще несколько победоносных сражений, и Москва колокольным звоном встретит своих освободителей. Развесив на фонарях схваченных на месте преступления большевиков, контрреволюционная Россия отпразднует победу, и жизнь покатится, как встарь. Быдло будет загнано в стойло и займется обслуживанием элиты. Вернутся времена милых ресторанных вечеров с цыганами, образцового порядка под присмотром городских, золотопогонных парадов пред очами Государя (ну, или в порядке уступки времени — Президента).

На фланге деникинского похода на Москву группировка генерала Слащева решала несложную задачу — добить остатки Южной группы красных, банды Махно и по возможности украинского националиста Петлюры, путающегося под ногами Российской государственности. После того как белые лихим налетом вышибли красных из Екатеринослава и тем самым преодолели преграду Днепра, зачистка Украины казалась делом решенным. Но, когда в начале сентября белые вошли в район, где собрал свои силы Махно, возникли и трудности. 6 сентября махновцы нанесли контрудар под Помощной. Они двигались со всех сторон, и нестройная толпа перед самой атакой превратилась в

плотный строй. Белые отбились, но выяснилось, что Махно в это время обошел их позиции и захватил обоз с боеприпасами. Именно это ему и было нужно.

Недовольный Слащев подтянул дополнительные силы и постановил окружить Махно. Двинулись вперед, но тут стало известно, что махновцы опять обошли белых, разгромили оставшиеся в Помощной силы и взяли эту стратегически важную станцию. При появлении свежих сил Слащева Махно отвел своих бойцов.

22 сентября Слащев отдал приказ покончить с Махно в районе Умани. Сколько можно тратить время на эту банду! Конечно, махновцы многочисленны, но ведь это — сброд, и дисциплинированные силы Добровольческой армии превосходят бандитов по своей боеспособности. Ведь гонят же они красных! Части Слащева разошлись в разные стороны, чтобы загнать зверя. Симферопольский полк белых занял Перегоновку. Ловушка захлопнулась. Но махновцев это не смутило. Они нашли щель между отрядом генерала Склярова и Симферопольским полком, просочились, заняли господствующую высоту и переправу через реку Ятрань. Отряд генерала Склярова, не подозревая об успехах Махно, вошел в Умань и принялся ждать, когда ему загонят «дичь». «Дичь» тем временем сама загоняла охотников. Симферопольский полк был вынужден оставить Перегоновку, еще не подозревая, что это начало конца.

26 сентября раздался страшный грохот — махновцы подорвали имевшийся у них запас мин, которые все равно было тяжело тащить с собой. Это был и сигнал, и «психическая атака». Кавалерия и пехотная масса ринулись на белых, поддержанные множеством пулеметов на тачанках. Деникинцы не выдержали и стали искать спасения на высотах, открыв тем самым махновцам путь к ключевым переправам и развилкам дорог. Ночью махновцы были уже везде, кавалерия преследовала отходивших и бегущих. Белые закреплялись

на высотах, но махновцы наседали. Утром 27 сентября махновская кавалерийская масса смяла порядки литовского батальона и порубала тех, кто не успел разбежаться. Эта грозная сила двигалась к реке Синюхе, отрезая путь отступления еще шести ротам белых. Побросав пулеметы, белые шли к реке по пашне, время от времени давая залпы по наседающей кавалерии. Сзади напирала пехота, но у махновцев опять кончились патроны. Их предстояло снова добыть в бою. Подкатив орудия, махновцы стали расстреливать прижатые к реке боевые порядки. Их командир капитан Гаттенбергер, поняв, что разгром неизбежен, застрелился. Перебив оставшихся белых, махновцы двинулись на Умань и выбили оттуда силы Склярова. Полки Слащева были разбиты по частям, деникинский фронт прорван на фланге. Махновская армия, погрузившись на тачанки, двинулась по глубоким тылам Деникина. Глядя на этот прорыв, один из оставшихся в живых офицеров печально произнес: «В этот момент великая Россия проиграла войну». Он был не так далек от правды. Деникинский тыл был дезорганизован, в центре белой «Добровольной» образовалась дыра «Махновия». И тут пришла весть — эта же сила нанесла удар по большевикам почти в самое сердце их режима — 25 сентября на воздух взлетел Московский горком коммунистической партии. Где логика? Почему? За что и против чего воевали эти люди? Был ли это русский бунт, бессмысленный и беспощадный, или в нем были какой-то смысл и какая-то своя логика?

Азы анархизма

К сожалению, даже у людей, которые берутся писать об анархистах и, в частности, о Махно, часто отсутствует элементарная грамотность в вопросах анархистской тео-

рии. В итоге и само движение выглядит в этих публицистических писаниях каким-то бесовским наваждением¹.

Разговоры об анархизме непривычны для нашего времени, слово «анархия» звучит чаще, но совсем в ином смысле, чем употребляли его «отцы анархизма». Чтобы понять людей, которые вели за собой нешуточные массы, нужно понять хотя бы азы анархизма. С этого и начнем.

Анархизм и анархия. Что только не понимают под этими словами: бессмысленный и беспощадный бунт, общественный хаос, стремление к беспорядку и насилию. Как это далеко от идеалов общественного течения, которое вот уже полторы сотни лет вносит свою лепту в развитие человечества. Теоретики анархизма

¹ Последнее по времени произведение такого рода написано С.Н. Семановым (Нестор Махно. Вожак анархистов. М., 2005). При всем уважении к С.Н. Семанову, который писал о Махно еще в 60-е гг., правда, кратко и в «правильном» коммунистическом ключе, встречался с Г. Кузьменко (этот материал уже введен в научный оборот), теперь его работы на эту тему поражают своими неточностями, приблизительностью и домыслами. Например: «С середины прошлого века анархизм сделался вожделенной мечтой всего прогрессивного человечества прошлого века, в этом все его обаяние, хотя и оказалось оно бесовским» (С. 47). Представляете — все обездоленные, оказывается, были анархистами. А как же марксисты? Читаем дальше: «Бакунин... — истинный революционер, классический, в том смысле, что «все дозволено»... подлоги, двурушничество, поклепы и наветы — цель есть самая наивысшая, то есть установление рая на земле, причем немедленно, сегодня. С другой стороны, Кропоткин... Пролитие крови вызывало в нем ужас, никогда он к тому не призывал и в гнусных заговорах бакунинского типа отродясь не участвовал» (Там же). Здесь С.Н. Семанов явно перепутал Бакунина с Нечаевым, а Кропоткина с Толстым (не потому ли, что тот тоже князь). Прежде чем писать о «вожаках анархистов», С.Н. Семанову стоило бы почтительно написать Бакунину к Нечаеву и основные работы Кропоткина («Хлеб и воля», «Современная наука и анархия»), в которых он исходит из насильственного характера революции. Тогда С.Н. Семанову самому станет ясно, насколько далеки от действительности суждения, приведенные выше. К сожалению, подобные домыслы пронизывают всю книгу. В некоторых случаях мы можем лишь догадываться, основываются утверждения автора на фактах или домыслах, так как в книге С.Н. Семанова нет ссылок на источники. Анархисты и анархизм оказались слишком сложной темой для С.Н. Семанова. То ли дело одномерные образы, например: «Белых рыцарей в рядах Белой гвардии было действительно немало. Один генерал Корнилов Лавр Георгиевич, эта олицетворенная белогвардейская легенда, чего стоит! Вот уж истинно русский витязь, отец солдатам» (Там же. С. 97).

предвосхитили многие идеи Карла Маркса, Махатмы Ганди, Олвина Тоффлера и других мыслителей, которые сыграли огромную, во многом определяющую роль в формировании мировоззрения современной цивилизации. Анархисты Пьер Прудон, Александр Герцен, Михаил Бакунин, Петр Кропоткин и Лев Толстой занимают почетное место в этом же ряду¹. Миллионы людей вставали под черное знамя анархии, несмотря на яростную и часто лживую агитацию его врагов, несмотря на то, что принадлежность к анархистскому движению часто была связана с риском для жизни. Что влечет людей на этот путь? Здесь не ищут богатства и карьеры. Здесь ищут последовательности.

Отрицая во имя свободы благотворность любых форм власти и тем более государства, анархизм резко противопоставляет себя основам организации современного ему общества. Анархизм оппозиционен всем политическим учениям, выступающим за те или иные формы бюрократической государственности. Но в силу своей последовательности анархизм смог уже в XIX веке поставить в практическую плоскость некоторые задачи, которые мировая цивилизация ставит перед собой только сегодня, в самом начале XXI столетия. В трудах его основоположников мы читаем о сетевом обществе, производственном самоуправлении, среднем классе...

За свою многовековую историю анархизм неоднократно приговаривался своими оппонентами к скорой гибели, но прогнозы эти не оправдывались. Само существование государства вызывало к жизни идею о необходимости его замены иными общественными механизмами.

¹ Принадлежность части мыслителей этого ряда к анархизму иногда подвергается сомнению, но напрасно. Подробнее об этом см.: Эльцбахер П. Сущность анархизма. Минск, М., 2001; Антонов В.Ф., А.И. Герцен (общественный идеал анархиста). М., 2000; Шубин А.В. Прудон и Маркс. Взгляд из XXI века // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001.

Анархизм — это идейное течение и общественное движение, которое стремится к максимально возможному освобождению личности и отрицает оправданность существования государства как такового. Анархизм выступает за немедленную или постепенную ликвидацию государства и его замену системой самоуправления.

Целью анархизма является анархия (безвластие), то есть свободная организация общества, обходящаяся без социальной организации власти человека над человеком. Под властью понимается систематическое принуждение человека к чему-либо, противоречащему его воле, организованное насилие человека над человеком. Наиболее распространенной и концентрированной формой власти считается государство как машина принуждения людей. Анархисты считают, что издержки существования «сильного государства» превышают положительный результат. Анархия не может быть совместима с государством и иногда трактуется в анархизме как общество без государства. Впрочем, по дороге к анархии анархисты могут терпеть и даже использовать государство. Но, в отличие от марксистов, выступают категорически против его усиления, стремятся к тому, чтобы государственный центр вытеснялся самоуправлением трудящихся.

Анархия несовместима и с другими формами систематического насилия и принуждения. Поэтому анархизм отрицает бытовое, неграмотное толкование слова «анархия» как синонима хаоса и беспорядка, беспорядочного насилия. Анархизм выступает противником индивидуализма, поборником социального равноправия и солидарности.

Наибольшую активность в первой половине XX века развивали анархо-синдикалистское и анархо-коммунистическое направления анархизма. Само деление на анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов условно. Почти все российские анархисты начала XX века считали своей целью достижение и анархии, и коммунизма (анархического коммунизма). Большинство анархистов

признавали синдикализм (создание революционных антиавторитарных самоуправляющихся профсоюзов — синдикатов) необходимым путем к анархии. Но радикальные анархо-коммунисты считали этот путь вспомогательным, а собственно анархо-синдикалисты сосредоточивались на профсоюзной работе.

Анархисты — противники общественной системы, основанной на капиталистических и государственных началах. Но какое общество придет на смену капиталистической эксплуатации и государственному деспотизму? Теоретики анархизма выступали за построение общества как свободной конфедерации самоуправляющихся объединений тружеников. Люди сами решат, как удобнее наладить отношения между коллективами — кто-то создаст плановые органы, кто-то будет обмениваться продуктами на основаниях рыночного социализма. Такой социализм отличается от капитализма отсутствием частной собственности — предприятия принадлежат своим работникам или всем (в этом заключалось разногласие анархо-коллективиста М. Бакунина и анархо-коммуниста Кропоткина)¹.

Но позвольте! — прервет нас иной читатель. А зачем все это нужно? Ведь есть же «нормальное общество». Зачем придумывать какие-то утопии? Это — вопрос не только к анархизму, но и к его противоположности — марксизму. Здесь противоположности выступают в своем единстве — отвечать на этот вопрос им приходится вместе.

Два пути

Капитализм идет от победы к победе, но нет радости на лицах его подданных. Чем больше побед, тем больше критики в адрес глобального капитализма. То

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917—1939 гг. М., 1998. С. 6—7.

же самое можно сказать и о либеральной политической системе, закреплявшей самовластие олигархии под флагом формальной демократии. Важнейший ресурс прочности капитализма и бюрократии — незнание людей, чем можно заменить существующую социальную систему. Этим страшен и кризис современного глобального капитализма. Если его постигнет крах, то не сорвется ли цивилизация в Средневековье? Так и будет, если большинство людей останутся в неведении о достижениях социалистической мысли, которая последние два века напряженно всматривается в будущее, изучая черты общества, способного прийти на смену капитализму.

Сторонники социалистических идей провозглашают: возможно общество, более справедливое, гуманное и свободное, чем капитализм, возможно народовластие, а не власть бюрократической и имущественной элиты. В этом они согласны. Их разделяет ответ на вопрос: как это возможно? Как может быть устроена альтернатива капитализму и бюрократическому государству и как можно достичь этого желаемого будущего?

Маркс и Энгельс ломали копья по этому поводу с Прудоном и Бакуниным, Ленин и Люксембург — с Бернштейном и Каутским. И это — самые громкие имена среди тысяч блестящих писателей и организаторов, за которыми на штурм будущего устремлялись миллионы людей.

Суть спора двояка — метод и цель. Во-первых, Прудон, а за ним и Бернштейн надеялись «сжечь собственность и государственность на медленном огне», вместо того чтобы устраивать собственникам и чиновникам «Варфоломеевскую ночь», погром и резню. Маркса, Бакунина, Кропоткина и Ленина не устраивал такой план постепенного вrastания в социализм, ибо капитализм слишком силен, он способен «переваривать» ростки новых отношений. Так что без революционного сокрушения старого строя вряд ли удастся обойтись.

Во-вторых, шел спор о цели. Главная ставка борьбы за будущее крылась в ответе на вопрос: постепенно или рывком, но чем мы все-таки заменим капиталистическое общество и чиновничье государство? Ключевым термином для Маркса, Энгельса, Бернштейна, Каутского и Ленина была «планомерность». Общество будущего представлялось как единый организм, планомерно регулируемый из единого центра. Все сигналы о потребностях и способностях людей должны были сходиться в этот центр, и он будет планомерно распределять наличные ресурсы и трудовые задачи. Исчезнут безработные и праздные паразиты, люди будут обеспечены достатком и делом, которое умеют и любят делать, стихию рынка и социальных потрясений вытеснит научное регулирование отношений между людьми и природой.

Вызов этому идеалу бросили не только либералы, защищавшие капитализм, но и значительная часть социалистов. Прежде всего речь идет о теоретиках анархизма и народничества. Их ключевым словом является самоуправление. Простые люди сами вольны решать, как им жить. Для решения совместных вопросов, для организации производства они объединяются в коллективы и территориальные общины, которыми должны управлять не чиновники и не предприниматели, а самоуправление самих членов коллектива и общины. Анархисты утверждали, что «планомерное» общество марксистов — это новая мировая фабрика под управление «центра», нового всемогущего государства. Критикуя «Манифест коммунистической партии», Бакунин еще в XIX веке угадывал в предложениях марксистов черты коммунистических диктатур XX века.

Два основных, наиболее последовательных течения социализма — марксизм и анархизм — развивались в тесном и мучительном общении. Маркс сближался с Прудоном и во многом учился у него, а затем внезапно напал на своего старшего коллегу; Бакунин учился у

Маркса, считал его ближайшим союзником, а затем эти соратники по Интернационалу шумно разоблачали друг друга. Народники соглашались то с анархистами, то с марксистами.

«Какая склочная среда», — возможно, скажете вы. Но как велики ставки! За каждым текстом, рожденным в этой борьбе, — тысячи, а то и миллионы судеб в будущем. Они предвосхищали историю.

И так же в XX веке анархисты и марксисты то будут идти вместе, то сражаться между собой, забыв об общих врагах. Враг капитализма — друг мне, но истина дороже! Будущее не простит отступничества и ошибок.

Но одно дело — прогнозировать, готовить, конструировать и моделировать, а другое — действовать. Трагедия социалистических идей заключается в том, что во всей полноте они могут быть востребованы только во время катастрофы капитализма (до нее большинство людей боится променять свое привычное житье на неизвестность). В момент Великого отказа миллионов людей от прошлого образа жизни социалистические идеи получают шанс овладеть умами и победить. Но общество разрушено, экономика повержена в руины, и эта груда развалин — плохая строительная площадка. Социалисты желали бы продолжать строительство общества ввысь, а им приходится разгребать развалины, искать нужные детали в мусорных кучах, восстанавливать то, что только что рухнуло под тяжестью грехов капитализма. Строительство началось, а ведь еще не закончена ожесточенная борьба за стройплощадку, по которой мечутся толпы голодных обезумевших людей, которую атакуют грабители, жаждущие растащить остатки ресурсов или вовсе захватить это место. Инженеры скептически улыбаются, рабочие ждут чуда...

Такова жизнь, так делается история. Тем, кто ее делает, обычно не хватает знания мудрости теоретиков

прошлого, и это заставляет их снова и снова наступать на грабли, которые можно обойти...

В начале XX века в мире господствовал глобальный капиталистический порядок. Как и сейчас. Альтернативами ему были межнациональная бойня либо социализм. Правящие элиты, столкнувшись с кризисом мирового порядка, выбрали бойню Первой мировой войны. Когда она истощила мир, настала пора социализма спасти человечество. Он вышел на сцену в двух своих максимально последовательных ипостасях — коммунизма и анархизма. В начале практического пути у них были общие враги, общие разрушительные задачи, и потому они были похожи друг на друга в своих проектах мирового переустройства, мировой революции. Они были близки, как Маркс и Бакунин в начале их сотрудничества. Они были обречены на столкновение. Они определяли драматизм и сущность того пути, который предстояло пройти человечеству в XX веке. Они ставили проблемы, которые не решены до сих пор, — мы снова живем в условиях глобального капиталистического порядка, который снова подходит к пределам своего развития. Впереди кризис, и это значит, что пора изучать опыт революционных эпох.

Об опыте коммунизма мы знаем гораздо больше, чем об опыте анархизма. Но без понимания смысла действий анархистов картина XX века будет неполной.

Только в двух случаях европейская история предоставила анархизму возможность осуществлять широкие социальные преобразования на «своей территории». Только во время Российской революции 1917—1921 гг. и Испанской гражданской войны 1936—1939 гг. массовому движению, возглавляемому анархистами, удалось установить контроль над обширным регионом, где можно было сделать первые шаги конструктивного строительства нового общества. Первым опытом такого рода стало махновское движение.

Почва...

Как это так: украинец Махно, и вдруг — зеркало Российской революции? Но в том и дело, что ни сам Махно, говоривший на русском, ни сама Российская революция 1917—1922 гг. не признавали границ, образовавшихся на просторах исчезнувшей империи. Они действовали с мировым прицелом, и уж во всяком случае не в границах новых государств.

Великая Российская революция объединяла в единый (хотя и противоречивый, конфликтный) комплекс несколько потоков — демократическую политическую революцию, городскую «пролетарскую» социальную революцию, крестьянскую аграрную революцию, национально-политические революции «окраин». Национальные революции — стремление создать новые этногосударственные пространства — накладывались на социальные процессы и могли быть успешными лишь при благоприятном стечении внешнеполитических обстоятельств (не случаен постоянный поиск лидерами националистов опоры не столько у собственного населения, сколько во внешней среде). Национальный протест усиливал социальный лишь тогда, когда стремление русскоязычных политиков к объединению распадающегося имперского пространства приводило к серьезным притеснениям местной культуры (в 1919 г. на Украине так вели себя и красные, и белые). Как только коммунисты в 1920 г. проявили готовность «терпеть» украинский язык и местную культурную традицию, национальные противоречия пошли на спад — в отличие от социальных.

В этом отношении махновское движение весьма показательно. Здесь крестьян интересует прежде всего «земля и воля», а украинский национализм встречается с враждебностью. Но и приходящему с севера коммунистическому режиму не позволено устанавливать свои порядки — ни культурные, ни социальные. Сами как-нибудь разберемся. Не лезьте.

Да и сам район, где развернулось махновское движение, тогда можно было отнести к Украине условно.

* * *

Район, в котором разворачивалось махновское движение, охватывает преимущественно Приазовье — юг левобережной Украины и восток Донбасса. Махновцы действовали и на правобережье, прежде всего в Екатеринославе, а также на Полтавщине и Черниговщине. Ядро района располагалось в районе городка Гуляйполе Александровского уезда. История этих мест связана с казачьей вольницей, с борьбой земледельческой и кочевой культур. Однако к началу XX века от Запорожского казачества остались одни воспоминания. Местную степь заселили новые люди с новым укладом жизни.

Приазовье было частью более широкой степной зоны, простиравшейся на правобережье до Днестра. Это была территория с более рыночным хозяйством и более смешанным населением, чем на севере Украины. Но по сравнению с правобережной Херсонщиной будущий махновский район был просто классическим. Марксистская историография утверждала, что этот район — кулацкий, что кулацкие хозяйства составляли здесь 22% от общего числа хозяйств¹. Сейчас такая оценка могла бы выглядеть комплиментом — «кулацкое движение» уже не является негативной оценкой и рождает в воображении романтическую картину «крепкого фермера», поднявшегося на борьбу за экономическую свободу. Однако от этой версии придется отказаться. Цифра 22% получается лишь в том случае, если считать кулаками крестьян, располагавших более чем 10 десятинами земли², что даже в марксистской исто-

¹ История Украинской ССР. Т. 6. С. 16.

² Кубанин М. Махновщина. Л., 1927. С. 19.

риографии считается перегибом¹. Основой сельского хозяйства оставались здесь помещичьи и крестьянские хозяйства. Кулачество сосредоточивалось прежде всего на немецких хуторах — инородных образованиях местной крестьянской среды. Попытка в ходе столыпинских реформ разрушить крестьянскую общину встретила сопротивление и в Екатеринославской губернии².

Район будущего махновского движения был одним из самых рыночных во всей Российской империи. Близость портов и развитая железнодорожная сеть стимулировали развитие хлебного рынка. В Екатеринославской губернии в 1913 г. было произведено 109 806 пудов пшеницы. Из них за пределы губернии отправлено 52 757 пудов³. В эту долю не входит внутригубернский рынок, который тоже было достаточно широк — губерния была насыщена промышленными центрами, потреблявшими хлеб.

Наиболее активной фигурой на екатеринославском хлебном рынке оставался крестьянин — за 1862—1914 гг. крестьянам степной зоны удалось купить у помещиков почти половину их земель. Но помещики безудержно повышали цены на землю⁴. Опираясь на помощь государства, они стремились сохранить арендные отношения с крестьянами. Это, естественно, вызывало враждебность крестьян ко всем крупным формам частного землевладения, как помещичьим, так и кулацким. В то же время общинно-рыночная форма крестьянского хозяйства облегчала развитие в районе различных форм сельскохозяйственной кооперации, которой активно помогало земство⁵.

¹ Стрижаков Ю.К. Продотряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции 1917—1921 гг. М., 1973. С. 225.

² См., например: Кобытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 74.

³ Вся Екатеринославская губерния. Екатеринослав, 1913. С. 3.

⁴ Кубанин М. Указ. соч. С. 18—19.

⁵ Вся Екатеринославская губерния. С. 9—10.

Рыночность общинного хозяйства способствовала развитию в районе сельскохозяйственного машиностроения и других форм связанной с селом промышленности. В Екатеринославской и Таврической губерниях производили 24,4% сельскохозяйственных машин страны (в Москве — только 10%)¹. Значительная часть екатеринославской промышленности была рассеяна по губернии — небольшие городки и крупные села представляли собой настоящие агропромышленные комплексы. В будущей столице махновского движения Гуляйполе действовал чугунолитейный завод и две паровые мельницы, а в Гуляйпольской волости — 12 черепичных и кирпичных заводов². Это приводило не только к высокой товарности хозяйства, но и к тесной связи крестьян с рабочим классом, который был рассеян в сельской местности. Многие крестьяне отходили на заработки и в соседние крупные промышленные центры. В то же время в случае кризиса промышленности они могли вернуться на село. Сама деревня в этом случае была в большей степени защищена от нехватки промышленной продукции, так как часть ее производилась здесь же, под боком. Большие города представляли в этих условиях для крестьян чуждый и не столь уж необходимый мир. Но и национализм, подпитанный экономической замкнутостью крестьянских хозяйств севера Украины, не имел социальной почвы в Приазовье.

В таких условиях и зарождалось одно из крупнейших в нашей истории крестьянских движений. На этот раз оно было тесно переплетено с движением рабочих и имело даже рабочих лидеров, среди которых был и сам Нестор Иванович Махно, в юности работавший на чугунолитейном заводе.

¹ Кубанин М. Указ. соч. С. 11.

² Вся Екатеринославская губерния. С. 42.

... и семья

Нестор Иванович Махно думал, что он родился 27 октября 1889 года. Такова уж была его судьба, что даже дата рождения связана с мистификациями. Метрическая книга говорит, что 26 октября 1888 года в семье Ивана Родионовича Михно и его законной жены Евдокии Матвеевны родился сын Нестор. На следующий день он был крещен¹. Родители исказили год рождения сына, чтобы подольше не отдавать его в армию. Впрочем, в царскую армию молодой Нестор так и не попадет, а родительская выдумка спасет ему жизнь, когда по малолетству смертная казнь для него будет заменена каторгой. Так уже родители Нестора стали воздействовать на ход истории страны.

Фамильное имя Махно Нестор получил благодаря традиции крестьян этих мест сокращать полную фамилию в знак уважения. Фамилия Махно — Михненко. Но отец звался Михно, а сын — Махно. Интересно, что позднее на пути Махно встретится его «полуоднофамилец» Михно. И будет бит.

Отец Махно, бывший крепостной крестьянин, а затем конюх, воловник помещика Мабельского, кучер заводчика Кернера (натерпятся наследники фабриканта от сына конюха), скончался в 1890 г. «Пятеро нас братьев-сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола, ни двора. Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать»², — вспоминал батько в 1921 г.

¹ Волковинский В.Н. Махно и его крах. М., 1991. С. 11. В. Волковинский проделал большую и весьма ценную работу по исследованию ранней биографии Н. Махно. Вероятно, потому, что в это время Н. Махно еще не вел борьбу против большевиков, В. Волковинский в этой части своей работы гораздо объективней, чем далее.

² Нестор Иванович Махно. Киев, 1991. С. 31.

Заработки старших братьев позволили Махно получить сносное начальное образование. «На восьмом году мать отдала меня во 2-ю гуляйпольскую начальную школу. Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учителя меня хвалили, и мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто вместо класса попадать на реку, на лед. Катание на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и вечером возвращаюсь оттуда же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь со своими товарищами, проголодавшись, возвращался домой. Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой Масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я провалился на льду, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбежались люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это вселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери. Когда явилась встревоженная мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке. Узнав в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог сидеть как следует на парте, но помню также, что с тех пор я стал прилежным учеником. Итак, зимою я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 копеек в день»¹.

Будущий сподвижник Махно Виктор Белаш писал: «Поднявшись немного и окрепнув, Махно поступил

¹ Нестор Иванович Махно. Киев, 1991. С. 32.

чернорабочим на чугунолитейный завод Кернера. И здесь его не покидало болезненное стремление быть в центре внимания, выделяться любой ценой (свои мемуары В. Белаш писал с оглядкой на большевистскую цензуру. — *А.Ш.*). Узнав, что на заводе есть любительский театральный кружок, руководителем которого был Назар Зуйченко, Махно попросил записать его в труппу. «Однажды подходит ко мне Нестор Махно, — вспоминал позднее Зуйченко, — и просит принять его в артисты. Ну, чего раздумывать, смешить так смешить публику. А он — что мальчик с пальчик, вот так, по пояс мне... Приняли...»¹

Так формировался характер будущего революционера. Условия почти идеальные: бедность, стремление выбраться из нищеты, самоутвердиться и отомстить виновникам горькой доли, упорство, необходимое для выживания, низкий рост — известный в истории стимул к самоутверждению. Навыки театрального искусства также очень полезны для политика. Но почему из миллионов сверстников, оказавшихся в тех же условиях и в той же культурной среде вольного приазовского края, вождем массового движения стал именно он?

Жизнь Махно до 1906 г. напоминает историю о сапожнике, который был по способностям самым выдающимся полководцем мира, но за всю жизнь так и не попал на войну. В стабильном обществе из него мог выйти диссидент-бунтарь, актер, предприниматель или организатор профсоюзного движения (в 1917 г. он некоторое время будет профбоссом). Махно не имел достаточных культурных предпосылок для того, чтобы стать, скажем, парламентским политиком. К 1905 г. он был одним из сотен тысяч молодых людей низшего класса, мечтавших о том, чтобы вырваться из безысходной обыденности. Течение дальнейшей жизни каждого из них определила революционная эпоха.

¹ Белаш В. Махновщина // Летопись революции. №3, 1928. С. 191.

Началась революция 1905 г. 22 февраля завод Кернера забастовал. Рабочие требовали улучшений условий труда, отмены штрафов и сверхурочных работ. Так Махно впервые окунулся в политическую жизнь.

5 сентября 1906 г. в Гуляйполе начала действовать террористическая «Крестьянская группа анархистов-коммунистов» (другое название — «Союз вольных хлеборобов»). Как потом выяснилось, во главе группы стоял Вольдемар Антони, связанный с Екатеринославскими анархистами, и братья Семенюты — Александр и Прокопий.

Для тихого провинциального городка это была сенсация, а для молодого, жаждущего приключений Нестора — шанс вырваться из замкнутого круга будней. Он «вычислил» террористов быстрее полиции, заставил их принять себя в состав группы и уже 14 октября участвовал в ограблении. Мальчишка был опьянен новой ролью, он обладал оружием, боролся за счастье людей (правда, террористы пока расходовали добытые средства на себя и покупку оружия, а не на «бедных»). Нестора распирало желание показать односельчанам свою новую силу. В конце 1906 г. он применил пистолет в бытовой ссоре, по счастью, без жертв. Его тут же арестовали за хранение оружия, но потом по малолетству отпустили.

В течение года группа провела четыре бескровных ограбления. Молодые люди в черных масках (или вымазанные грязью) требовали денег на голодающих или просто так, представлялись анархистами и скрывались в неизвестном направлении. Их добычей стало около 1000 рублей¹.

27 августа Махно вступил в перестрелку со стражниками. Через некоторое время он был опознан и арестован. Но друзья не бросили Нестора в беде. Под давлением террористической группы опознавший Махно крестьянин забрал назад свои показания. Но молодому

¹ Нестор Иванович Махно. С. 132—133.

рабочему не повезло — 15 февраля 1908 г. задержанный после ограбления завода Кернера А. Ткаченко признался, что участвовал в перестрелке со стражниками вместе с Махно. Нестору угрожал военно-полевой суд, который в то время обычно заканчивался казнью. Но улики все еще были шаткими, Махно пользовался хорошей репутацией на заводе (вступив в группу, он не бросил работу), и заводское начальство внесло за него залог в 2000 рублей. 4 июля Махно вышел из тюрьмы и уехал в Екатеринослав¹.

Пока Махно сидел в тюрьме, 19 октября 1907 г. при нападении на почту террористы убили городского и почтальона. Это было первое убийство, совершенное террористами. Антони и ряд других членов группы были арестованы, но за недостаточностью улик высланы. Тем временем крестьянин Зуйченко рассказал сокамернику Брину о том, что он участвовал в нападении. Когда Зуйченко выпустили, Брин передал его слова полиции. Начались допросы и аресты. Между тем 10 апреля 1908 г. произошло новое успешное ограбление. После этого группу уже устойчиво преследуют неудачи: 13 мая не удалось нападение на дом купца Шидлера, была ранена его дочь, а 9 июля в селе Новоселовке при нападении на казенную винную лавку был убит сиделец. Грабители явно не ожидали такого исхода и бросились бежать. Оба убийства, совершенных бандой, были случайностью, а не запланированными актами террора.

Интересно, что уже с 1907 г. банда гуляйпольских робин-гудов действовала под наблюдением полиции. Доблестные стражи порядка не спешили остановить молодых людей с пистолетами, давая им поглубже увязнуть в преступлениях — чтобы потом создать максимально громкое дело. «Роль Шерлока Холмса в раскрытии гуляйпольской группы выпала на долю проживающего в Гуляйполе пристава Караченцева. Для обна-

¹ Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 17—19.

ружения ее участников сельский сыщик пустил в ход обычное российское орудие — провокацию. В группу были влиты агенты Караченцева, принимавшие участие в нападениях, они сообщили ему о работе группы»¹, — рассказывает советский исследователь Г. Новополин, изучавший материалы судебного дела. Полиция выявила 14 членов группы. Одного из агентов полиции — Кушнера — террористы вычислили и убили. Но Караченцев уже шел по следу распадающейся группы террористов. После убийства 28 июля урядника Караченцев накрыл членов группы Хшиву, Левадного, Зуйченко и Альтгаузена и заставил их говорить. В тот же день ядро группы было окружено в Гуляйполе, но анархисты с боем прорвались. После этого группа фактически распалась и вылавливалась по частям. Антони уехал за границу, А. Семенюта погиб. 26 августа Махно снова оказался в тюрьме.

Он ни в чем не признавался. В конце концов на свободе он находился легально. 1 сентября была перехвачена записка Махно Левадному «берите на себя дело», но Нестор легко объяснил ее как требование не наводить на него напраслину. Дело рассыпалось. Давшие показания раньше утверждали, что были вынуждены к этому побоями. Тогда Хшива был отдельно приговорен к смерти и 17 июня 1909 г. повешен. После этого Зуйченко и Левадный подтвердили свои показания (последнего это не спасло — он вскоре умер)².

31 декабря 1908 г. Махно пытался бежать, но был схвачен. 5 января 1910 г. П. Семенюта попытался освободить друзей при их перевозке в Екатеринослав, но неудачно (помешал провокатор Альтгаузен). Последним актом группы стало убийство пристава Караченцева 22 ноября 1909 г.

20 марта 1910 г. группа анархистов, в том числе Махно, предстала перед военно-полевым судом. Это не

¹ Нестор Иванович Махно. С. 134.

² Там же. С. 135.

предвещало ничего хорошего. Правительство П. Столыпина решило ответить на революционные волнения беспрецедентными для России репрессиями, которые ужаснули даже противников революционеров. «Никто столько не казнил, и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто не произвольничал так, как он, никто не оплевывал так закон, как он, никто не уничтожал так хотя бы видимость правосудия, как он, и все сопровождая самыми либеральными речами и жестами», — писал С. Витте и продолжал: он «казнит совершенно зря: за грабеж лавки, за кражу 6 рублей, просто по недоразумению... Одним словом, явилась какая-то мешанина правительственных убийств, именуемая казнями»¹. Так начинало раскручиваться в России печально известное «красное колесо». Военно-полевые суды не были обязаны тщательно разбираться, кто конкретно кого убил. Они устанавливали ответственность группы, политический подтекст и выносили смертные приговоры.

22 марта Нестор Махно вместе со своими товарищами «за принадлежность к злонамеренной шайке, составившейся для учинения разбойных нападений, за два нападения на жилой дом и покушение на такое же нападение» был приговорен к смертной казни через повешение². К этому времени Махно не участвовал ни в одном убийстве и по законам «мирного времени» должен был получить каторгу. Но в стране шла «антитеррористическая операция», при коих, как известно, человеческая жизнь стоит дешево.

Нестор ждал исполнения приговора. Он был молод, полон энергии. А его ждала виселица. Махно не знал, что в это время бюрократические органы продолжают решать его судьбу. Решающую роль сыграла подделка даты рождения — Махно все еще был несовершенно-

¹ Цит. по: Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 65.

² Цит. по: Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 24.

летним. Это позволило властям учесть и то, что его собственные преступления не сопровождались гибелью людей. В итоге Столыпин лично санкционировал замену смертной казни вечной каторгой.

Трудно представить себе, как бы сложилась история России, а может быть, и мира, если бы Нестор Махно все-таки был бы казнен в 1910 г. Исторические развилки иногда зависят от таких обстоятельств. Нет талантливого вождя — нет и революционной армии. В тылу Деникина не разворачивается махновская «республика», не разрушает коммуникации, не оттягивает на себя войска. Белая армия врывается в Москву. Рассыпается большевистский режим. Но лучше ли другая власть — диктатура настроенной на месть аристократии? Вечная проблема европейской истории XX века — выбор между коммунизмом и фашизмом. Без Махно могло не быть успешного форсирования Сиваша в 1920 г. (помните аксеновскую утопию «Остров Крым»?). Но без того же Махно военно-коммунистическая машина большевиков работала бы более слаженно и, кто знает, ворвалась бы в Центральную Европу уже в 1919 г. А новая экономическая политика 1921—1929 гг., многому научившая мир... Пошли бы на нее большевики, если бы не успехи Махно и Антонова, если бы не Кронштадтское восстание, отчасти также вдохновленное махновским опытом? Да что Кронштадт — значительная часть антифашистских бойцов во время гражданской войны в Испании повторяла имя Махно, готовясь к атаке. Махно уже умер, а его опыт вдохновлял людей на сопротивление красному и коричневому тоталитаризму, распolzавшемуся по Европе. И все эти черты современной истории висели на волоске весной 1910 г.

* * *

2 августа 1911 г. Махно был отправлен в Московскую центральную пересыльную тюрьму (Бутырку), где и осел. Здесь он продолжал бунтовать, спорил с тюрем-

ным начальством, за что часто отправлялся в карцер. Итог — туберкулез, болезнь, которая приведет Нестора Ивановича к смерти в 1934 г. А пока юный каторжанин не хоронил себя заживо. Он верил в революцию, верил, что она прервет его вечную каторгу, что он еще вернется домой. Нестор писал письма родным и своей любимой девушке Анне Васецкой: «Ведь помнишь, как радостно нам было, когда мы были дома, а Савва в Японии, в плену, и когда мы получили от него письмо, отражающее собой всю жизнь его. Как больно, тяжело и в то же время радостно было нам оттого, что он жив, что у него есть надежда быть в живых и возвратиться на родину. Так ожидаю я от Вас и Нюси того письма, которое мне скажет, что вы обе живы-здоровы, что у Вас, мама, есть надежды на здоровую жизнь и на счастье увидеть меня возле себя, а у Нюси надежды на ее счастливую юную жизнь, познающую свое призвание, и так же видеться со мной. Я от одного только воспоминания прихожу в неопишное упоение»¹. Мечты сбываются, их судьбы снова соединятся в 1917 г., родится ребенок. Но безжалостные волны Гражданской войны разметаю эту семью уже на следующий год. В 1919 г. Махно создаст новую семью.

А тем временем тюремные университеты продолжались. Судьба снова укрепила его в анархистских взглядах, послав сокамерником П. Аршинова.

АРШИНОВ Петр Андреевич (псевдоним Марин) (1887—1937). В 1905 г. слесарь-железнодорожник Аршинов вступил в РСДРП и стал издавать в городке Кизил-Арват нелегальную газету «Молот». Скрываясь от полиции, переехал в Екатеринослав, где в 1906 г. сблизился с анархистами. Участвовал в организации террористических актов в Екатеринославской губернии, в том числе в Александровске. Недалеко действовала террористическая группа, в которой участвовал Махно. Терроризм был популярен. Общественность сочувственно относилась к партизанской войне с режимом, террористы охо-

¹ Цит. по: Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 26.

тились на представителей власти, а не на население. В 1907 г. Аршинов был схвачен и приговорен к смерти. Но он сумел бежать вместе с группой заключенных. Эмигрировал во Францию. Но за границей не сиделось — Аршинов был человеком дела. В 1909 г. он вернулся в Россию, вел нелегальную пропаганду, участвовал в экспроприациях, арестовывался (но полиция не знала, что это человек, приговоренный к смертной казни). В 1911 г. за контрабанду оружия и литературы приговорен к 20 годам каторги. В Бутырке сидел вместе с Махно. Стал его учителем в теории анархизма. Освобожден Февральской революцией. Участвовал в создании Московской федерации анархистов, был одним из ее секретарей, организатором издательства «Голос труда» и газеты «Анархия». В 1918 г. отправился в Донбасс. Весной 1919 г. приехал к Махно и стал ведущим идеологом махновского движения.

В тюрьме Аршинов изложил Махно основы идеологии анархизма, как он сам ее понимал.

Аршинов вспоминал о своем ученике: «Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, Махно тем не менее постарался широко использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события...

В обстановке каторги он ничем особенным не отличался от других, жил, как и все прочие, — носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на поверку. Единственное, что обращало на него внимание, — это его неутомимость. Он вечно был в спорах, в расспросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью. Кроме этого, сидя в тюрьме, он любил пи-

сать стихотворения и в этой области достиг большого успеха, чем в прозе»¹. Некоторые стихи Махно распространяли махновские агитаторы в 1919—1920 гг.:

Восстанемте, братья, и с нами вперед!
Под знаменем черным восстанет народ.
Мы смело рванемся все радостно в бой
За веру в коммуну, как верный нам строй...
Разрушим мы троны и власть капитала,
Сорвем все порфиры золотого металла...²

В этих стихах чувствуется влияние французского марша анархистов, ходившего в России в разных переводах.

Такая жизнь могла продолжаться несколько десятилетий. Как много в истории примеров, когда пламенные революционеры выходили из камеры уставшими стариками с умеренными взглядами. Нестору Махно повезло больше.

Глава II

ДЕМОКРАТИЯ И АНАРХИЯ

Весна свободы

2 марта 1917 г. свободу Махно принесла революция. Он считался политическим заключенным, а не уголовным и обрел свободу тогда же, когда недавний самодержец оказался под арестом. Февральский социальный взрыв в мгновение ока сверг самодержавие. Новая власть еще только искала формы и очертания, и в окружающей жизни было немало признаков желанной для Махно анархии. Но ему хватало знаний, чтобы от-

¹ Аршинов П. История махновского движения. Берлин, 1923. С. 50, 215.

² Беспечный Т.А., Букреева Т.Т. Нестор Махно: Правда и легенды; Лева Задов: Человек из контрразведки. Донецк, 1996. С. 19.

личать от анархии уличную свободу и беспорядок. Анархию еще предстояло организовать...

Февральская революция открыла дорогу для решения важнейших проблем, стоявших перед страной: наделение крестьян землей, защита прав рабочих, демократизация политической жизни. Многим казалось, что революция поможет добиться скорейшего и справедливого мира. Но само по себе свержение самодержавия не могло решить вставших перед Россией проблем. Россия стала одной из самых свободных стран мира, ее социальные слои и политические силы вступили в решительную борьбу. Широкие массы, активность которых была пробуждена и освобождена революцией, в своих естественных стремлениях были близки анархизму. Они выступали за народовластие, широкое самоуправление, переход заводов в руки рабочих, земли — в руки крестьян, за прекращение войны без ущерба России и обеспечение голодных горожан продовольствием. Миллионы людей ожидали, что революция приведет к наступлению счастливой эры в истории страны. Но пока предстояло решить, как конкретно будут осуществляться перемены, ожидаемые миллионами россиян.

По словам А. Керенского, «одним из основных событий этих дней явилось полное уничтожение государственной власти»¹. Такая анархическая картина — несомненное преувеличение, но доля правды в ней есть. Власть потеряла возможность принуждать и вынуждена была убеждать. А это — существенный шаг к свободе, к безвластию. Идеалом анархизма соответствовало и бурное развитие самоуправления в самых разных сферах — от советов до фабзавкомов. Анархические правила игры на время было вынуждено принять и Временное правительство. В принятой им 26 апреля декларации говорилось: «В основу государственного управления

¹ Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 238.

оно (правительство, — *А.Ш.*) полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»¹. Иного Временному правительству не оставалось. Реальная сила на время перешла в руки органов рабочих и солдатских советов, также действовавших по принципу морального воздействия на массы, представленные в большинстве своем в этих органах самоуправления.

Советы опирались на органы производственного самоуправления — фабрично-заводские комитеты, а также на широкую сеть рабочих и солдатских организаций. По примеру Петрограда солдатские комитеты возникали по всей стране и брали военную силу под свой контроль.

Однако лидеры советов — умеренные социалисты — понимали, что управлять страной они не смогут, да и вся страна, не связанная с Петросоветом организационно, не станет подчиняться решениям неизвестных пока России людей, лидирующих в этом революционном органе. Революционерам необходимо было еще приобрести достаточную известность и опыт легальной работы, чтобы их авторитет превысил влияние думских лидеров. Поэтому Совет, воспринимавшийся в столице как власть, исходил из того, что правительство будет формироваться думским большинством — либералами. Но Совет претендовал на роль верховного контрольного органа, своего рода парламента. Лидеры Совета считали: «Стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало быть, или у нас, или ни у кого»². Это утверждение было недалеко от истины. Так стало формироваться двоевластие — сосуществование двух центров власти (правительство и советы) с неразделенными полномочиями.

¹ Церетели И.Г. Кризис власти. М., 1992. С. 45.

² Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991. С. 151.

Самоорганизация людской стихии и сила власти правящей элиты становятся полюсами революционной эпохи. Какая организация окажется сильнее — растущая снизу или сверху? Признаки этого противоборства Махно подмечал, бродя по взбудораженной Москве. Он легко мог «зацепиться» в большом городе, войти в Совет, деловито заняться организацией городской революции. Но он сел в поезд и отправился домой — в глубь страны. Настоящая революция варится там, а в столице подводят итоги.

* * *

После первых недель упоения свободой в низинах общественного ландшафта стало закипать недовольство и разочарование. Продолжалась война, распадалась система экономических связей, правительство медлило с реформами — социалисты и либералы видели их совсем по-разному, и лебедь мешал раку сдвинуть куда-нибудь телегу. Ждали Учредительного собрания, которое должно все решить раз и навсегда. Ухудшение экономической ситуации расширяло слои, тяготевшие к радикальным мерам. Все большему количеству людей казалось, что одним ударом можно и должно решить все вставшие перед страной проблемы. Кто поведет за собой эти массы? Сумеют ли их подавить либералы, сторонники буржуазной «шоковой терапии»? Сумеют ли уговорить их эсеры и меньшевики с их разумными, взвешенными рецептами выхода из кризиса? Пока это удастся, но уже в недрах социалистических партий выделяются левые крылья, актив которых требует — пора действовать решительно, отстранять буржуазию от руля власти. А то от нее — один саботаж. Но чем заменить капитализм?

Идеал эсеров был близок к анархистскому — самоуправление, федерация общин и коллективов, свобода личности... Но не сейчас, не время еще. Так что, по всему, радикальные массы должны были возглавить